

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В ДЕРЕВНЯХ БАБУШКИНСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 20 – 40 ГГ. XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ ШКОЛЫ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ)

Замужество и женитьба были обязательным этапом в жизни человека. Семья считалась основным условием благосостояния и была необходима для успешного ведения хозяйства, для продолжения рода и полноценного развития детей.

Материалы, записанные учащимися и педагогами Школы традиционной народной культуры от жителей Миньковского сельского поселения Бабушкинского района Вологодской области, дают представление о свадебном обряде в 20 – 40-е годы XX века. Фольклорно-этнографическая экспедиция проходила в 2002 году в деревнях, относящихся к Миньковскому сельскому совету. Были опрошены 157 местных жителей 1912 – 1932 годов рождения. По воспоминаниям информаторов был реконструирован ход свадебного обряда.

В Бабушкинском районе свадьбу часто называют «сварьба». Свадьбы раньше играли зимой от Крещенья до Масленицы. В пеструю неделю (масленичную) не женились, считая, что «жись будет пестрая, непутевая». Летом раньше «свареб» не делали, так как всё время было занято сельхозработами.

Девушки в основном выходили замуж 18 – 20 лет. Девушка 26-ти лет считалась старой для замужества.

Свадьба начиналась со сватовства. Сватов называли «сваребжане», как правило, это были крёстные жениха. Без сватовства свадьба не считалась полноценной. Родители присматривали своим сыновьям девиц из хороших семей, где есть достаток и воспитание, где в роду нет больных тяжелыми болезнями, передающими из поколения в поколение. Девицу выбирали в первую очередь не за красоту и богатство, а за род, которому она принадлежала. Говорили: «Корову выбирают по рогам, а девицу по родам».

Приходили сватать вечером с 22 до 24 часов. Делали так, чтобы не было стыдно в случае отказа, «чтобы люди не знали, не ведали». Для счастливого завершения дела сваты старались зайти в дом, не стучась. При этом, заходя в избу, «выпинивали» правой ногой берёзовый веник через порог. Важным моментом считалось и усаживание сватов на лавку-продольницу: ноги ставили вдоль по половицам.

Усевшись, сваты говорили: «Вдоль по половице, нет ли красной девицы? Купец пришел, товар кажите». Им отвечали: «Вот наш товар». После этих слов выводили невесту из кута (кутного угла, кухни). Со стороны невестиной родни принято было сватов угождать чаем, здесь же могли демонстрировать приданое невесты. На сватовстве устраивали и «пропивки»: сваты с родителями невесты выпивали вино (пиво), договаривались о дарах и о дне свадьбы. Если жениху хотели отказать, то пекли пирог, внутри которого запекали соль. Этот пирог – «солоник» – вручали сватам в знак отказа.

Окончательное согласие на свадьбу родители давали лишь после осмотра женихова хозяйства.

Далее наступал «срок» – время от сватовства до самой свадьбы (свадебного пира). «Срок» мог быть от 1 до 3-х месяцев, мог длиться всего 2 недели. «На сроку» невеста с подружками шили дары жениховой родне. В деревнях Грозино и Проскурнино это время называли «плакушки (плаканьё)», так как невесте приятно было, причитая, плача, прощаться с родными, подругами, своей деревней и вольной девичьей жизнью.

Невеста причитала, закрытая скатертью или тканью. В руке она держала носовой платочек для утирания слёз:

«Систь бы мне, молодёшеньке
На дубовую лавоцьку
Ко красному окошечку.
У родимые матушки,
И у родимово батюшка
Горя бы поповынести,
Пецалюшки поубавити.
Вам спасибо и спасибо,
Тебе, родименькой батюшко
И родимая матушка...»

«На сроку» невеста готовила дары: свёкру и деверьям – рубахи из холстины; свекрови – рубашку и сарафан; остальным родственникам с жениховой стороны – полотенца, платки, кисеты. Божатке* и крестному жениха невеста должна была приготовить по вышитому полотенцу (по 2-3 метра). Невесте помогали в этом деле подруги.

---

* Божатка – крестная

Накануне свадебного дня невесту «водили в баню». «Ходить в баню», по воспоминаниям жителей Миньковского сельского поселения, значило также посетить родственников (сестру или божатку). И в том и в другом случае всё это действие сопровождалось «причетами» невесты и подруг. Причитали такими словами:

«Затопили, затопили
Дивью баню-парушу.
Распустили кудрявый дым
Высоко по поднебесам
Далеко по Святой Рузе,
Штобы цюли да видели,
Штобы шли да ехали
На пецаль на великую
Старыё да и малыё».

В последний день перед венцом устраивали «девишик». На «девишике» невеста прощалась с родными и с подругами, «дарила свою красоту». Красота невесты – это символ её вольной беззаботной жизни в доме своих родителей. Образом красоты невесты считались ленточки из её косы. Их невеста дарила своим сестрам, подругам. Маленьkim девочкам из деревни, которые специально прибегали посмотреть на девишик, невеста дарила цветные лоскуточки. Причитала невеста «на красоту» в кутнем углу:

«Што мои милые подруженьки, да и белыё лебёдушки.
Унесите, подруженьки, мою дивью красоту вы на Вотчу славную.
Понесёт мою красоту вдоль по Вотче-матушке.
А что из Вотчи-то вынесёт во Тотьму старую.
А што из Тотьмы-то вынесёт во Сухону славную.
А из Сухоны вынесёт во матку – реку Двину.
А из Двины-реки вынесёт во морюшко синее.
Да прикачетца к бережку моя дивья красота.
Да тут и выйдет да выступит, тут из дивья монастыря, тут девица-старица.
А зачерпнёт-то красоту в дубовое ведёрышко.
Да унесёт мою красоту за столы за дубовыё, за скатерти браныё.
Будёт спрашивать да высспрашивать:
– Да уж ты чью дочерь красила?
– Уж я красила красоту дочерь матёрью, дочерь отецкую,
Чесну да благородную».

В день свадьбы на мосту встречали с песнями и с хлебом-солью «женихов поезд». Жених приезжал на санях. Упряжь лошадей была украшена лентами, колокольчиками. Дружка или сам жених колотились поленом под «сутнее окошко»*. Двери в дом открывал отец невесты. Девушки сразу запевали песню:

«Што не от лесу-лесу, не от лесу зелёнова,
Да не от лесу зелёнова. што не синь-то засинелась,
Што не крась-то закрасела, што не крась-то закрасела.
А што не биль-то забилела, да што не биль-то забилела.
Скоро синь-то засинела, скоро синь-то засинела.
То тулупы синие, то тулупы синие.
Коя крась-то закрасела, коя крась-то закрасела.
Кушаки да малинов цвет, кушаки да малинов цвет.
Коя биль-то забилела, кое биль-то забилила –
Шапки соболиные, да шапки соболиные.
Оне с горки спускаютцё, да оне с горки спускаютцё.
На калины мостоцики, да на калины мостоцики.
Идут к нам на крылецико, да идут к нам на крылецико
По брускатым по лисенкам, да по брускатым по лисенкам.
На мосты на калиновы, да на мосты на калиновы.
У дверей-то колотяцё, у дверей-то колотяцё,
Оне в избу просяцё, оне в избу просяцё.
Со тово со колоценья, со тово со колоценья
Терема пошатилисё, терема пошатилисё,
Питья повсплескалисё, да питья повсплескалисё.
Заходите, честны гости, жданыё да и званные.
Жданыё да и званные, редкие небывалые,
Да редкие небывалые, вы садитесь, честны гости
А во три места любимые, во три места любимые.
За столы за дубовые и за скатерти браные,
Да и за скатерти браные и за питья пьяные
И за питья пьяные».

За стол жениха пускали не сразу. Девушки просили выкуп. Когда все рассаживались за столом, жених три раза «кричал» невесту: «Антонина Степановна! Давайте к нам за стол!». Выводил невесту отец или брат.

Невеста становилась на колени перед родителями и просила: «Благословите меня, батюшка и матушка! Спасибо вам за хлеб и соль, за то, что вы до этой поры меня поили и кормили». Отец и мать с иконой bla-

---

* Сутнее окошко – переднее окно дома, примыкающее к красному (сутнему) углу дома.

гословляли невесту. Жених встречал её, обводил вокруг стола и садился вместе с ней. Только здесь с головы невесты снимали платок, которым она была покрыта.

Молодых благословляли иконой со словами: «Отцовскоё благословлениё на воде не топяшчоё, на огне не горяшчоё, в лесу не заблудяшчоё». Родительскому благословению придавалось огромное значение. Считалось, что дочь, вышедшая замуж без благословения («самоходкой»), в замужестве будет несчастлива.

После благословения ехали к венцу. Как правило, молодые сидели на разных санях. В церкви батюшка венчал, обводил молодых вокруг купели со святой водой. Если невеста была «нечестная», то она старалась задеть мизинцем за купель в этот момент, объясняя это тем, что «грех нельзя было завенчивать».

На территории Миньковского сельского совета церкви были закрыты в 1933 – 1935 годах. Когда церкви были уже закрыты, официальная регистрация брака проводилась работниками сельских советов.

После венца (росписи в сельсовете) жених ехал вместе с невестой кататься по деревне. Все выходили смотреть на это. Была примета: если сани перевернуться с молодыми, то вместе они «не сживутся».

В доме у жениха молодых встречали свёкор и свекровь с хлебом-солью. От улицы до самого стола стелили новую холстину или неразрезанный половик. Первыми шли жених и невеста. Перед молодыми никто на дороге не стоял. Дорогу молодым посыпали зерном, чтобы хорошая была жизнь.

На мосту молодых ждали божатки (женихова и невестина). В руках они держали каравай ржаного хлеба. При приближении молодых поднимали хлеб: кто выше поднимет свой каравай и сверху стукнет каравай другого, у того крёстный будет главным в доме. Все смотрели: «Ну-ко, которая сильнее?», т.е. «чья буханка сверху покроет, тот и главным будет в доме». Потом все хлопали в ладоши: «Наша, наша взяла!». Затем по холстине вслед за молодыми все дальше проходили в дом. Была примета: нельзя было заходить молодым с пустыми руками в дом, поэтому невеста держала пирог – «столовуху»*, а жених держал невесту за плечи.

Молодых сажали под иконы. Невестину икону приносили заранее в дом жениха и ставили над столами в простенке рядом с иконой жениха. Над невестой – икону Богоматери, а над женихом – икону Спасителя.

За стол невеста садилась, набросив на плечи шаль. Подходила свекровь: «Здравствуйте, мои дорогие!», снимала с невесты шаль, «заязывалась в неё пирог-«пряженник»**. Затем склоняла головы жениха и невесты

* Пирог-столовуха - местное название большого сдобного пирога из белой пшеничной муки с украшением завитками из теста

** Пирог-пряженник - пирог из жидкого теста, который печется на сковороде во время топки печи

друг к дружке и кругом их голов три раза обводила шалью с «пряжеником». Затем пряженик разламывала на две части, одну подавала жениху, а другую невесте: «Давай, ешьте, ешьте! Который круче (скорее) съесть, тот и хозяин будет».

За свадебным столом соблюдались и другие приметы. Молодые сидели на полушибках, «чтобы не расходились, жили дружно». Жених с невестой ставили друг другу ногу на ногу, «штёбы жили дружно, штёбы собака не пробежала между ними». Как правило, жених ставил свою ногу на невестину. Жених также должен был постараться сесть на платье невесты, «чтобы быть главным в доме». Мать невесты выкладывала на шубу, на которой сидели молодые, рукавицы с приговором:

«Вот как эти рукавицы, чтобы дружно жили,
Без хозяина никуда не ходили,
Так и молодые дружно жили,
Чтобы друг без дружки никуда не ходили!»

Могли вместе с рукавицами положить деньги, чтобы богаче жили.

Сама «сварьба» начиналась с того момента, как молодые садились за стол. Избу к свадьбе украшали вышитыми полотенцами, ветками ели. Крестные жениха и невесты сидели возле молодых. Божатка садилась «у невесты под правую руку».

Девушки запевали «припевки». За песни девушкам давали деньги или угощение.

Первую припевку пели жениху и невесте:

«Виноград в саду ростёт,
А ягода, ягода наливается.
Виноград свет Иван-господин
Виноград свет и Павлович.
А ягода, ягода Ирина-душа.
Вам же люди удивились, да
Вы хорошие, пригожие родились,
Дай вам Бог и совет и любовь, да
Во совете, во любови хорошенъко пожить!»

Вторую пели «тысяцкому»*:

«Ты великой наш тысецкой,
Твоя умная да головушка,

---

* Тысяцкий - крестный, посаженный отец

Твоя умная да разумная.
Ты охочь по пирам ходить,
По пирам, по ярмангам,
По пирам, по девишикам,

И по дивичьим вечерам.
Ты охочь как девиц дарить
Не рублём, не полтиною,
Золотой своей гривною».

Женатым гостям, сидящим за столом, припевали:

«Кто-то у нас умен, кто пылко разумен,
Ой, люшеньки, люли, кто пылко разумен.
Васенька-та умен, Николаевич разумен,
Ой, люшеньки, люли, Николаевич разумен.
По конюшне ходит, да коня обратает.
Ой, люшеньки, люли, да коня обратает.
На коня садится, конь под им бодрится.
Ой, люшеньки, люли, конь под им бодрится.
Плёточкой-то машот, конь-от под им пляшот.
Ой, люшеньки, люли, конь-от под им пляшот.
К горе подъезжает, да гору украшает.
Ой, люшеньки, люли, да гору украшает.
К реке подъезжает, реку разливает.
Ой, люшеньки, люли, реку разливает.
К дому подъезжает, да Нинушка встречает,
Николаевна встречает.
Ой, люшеньки, люли, Колю величает».

Неженатым гостям могли спеть:

«Сидели петухи на овине,
Увидели свадьбу далёко.
Кто это женится,
Кого это берёт?
Ваня-то женится,
Марью берёт».

К свадебному столу пекли «гороховые сочни», рыбники, «кудри», «пряженики», «пироги-столовухи», которые украшались фантиками, готовили каши, холодец. Из спиртного могли поставить на стол 2 бутылки водки. На свадьбу заранее варили много пива – целый чан. Пиво подносили с припевочками каждому гостю за столом. Последним блюдом подавали овсяный кисель. Говорили: «кисель из-за стола гонит».

После свадебного пира крестные уводили молодых спать в другой дом или в холодную горницу. Невеста стремилась лечь в постель после жениха, чтобы «перекатиться через него» и впоследствии «верховодить» в доме.

Наутро молодых будили: разбивали у дверей большой глиняный горшок с монетами. Били горшки в ознаменование того, «что девушка стала женщиной». По выражению жителей Миньковского сельского поселения «разбивали девкину честь». А жениха спрашивали: «Лёд ломал или грязь топтал?». Если «честная» невеста, значит: «Лёд ломал».

На второй день свадьбы свекровь пекла блины и подавали гостям на подноссе. Особым моментом второго дня свадьбы был приход ряженых. Рядились женщины и мужчины из деревни «козлом», «цыганкой». Женщины могли наряжаться в «мужчин», привязывали между ног морковку. Появление ряженых на свадьбе не случайно. Как объясняют ученые: «Эти окрутники ведут себя подобно клоунам, но, кривляясь и гримасничая, они тем самым как бы возвращают в человеческий коллектив мифических предков, «воплощают» их и наглядно демонстрируют физический контакт живых и мертвых»¹.

Принято было на второй день свадьбы одаривать родню жениха.

Крестная мать невесты доставала дары из сундука, подавала на подноссе со словами:

«Ножки с подходом,
Ручки с подносом,
Язык с приговором.
Сватушко, любой, дорогой,
Иван Александрович,
Дары прими да невестку люби.
Наша-то невестушка
Не по бору ходила,
Не шишки брала,
А пряла да ткала,
Да к свадьбе припасала,
Да сундуки нагнетала,
Да коленкам топтала.

Нате-ко, глядите!
На рубль возьмите,
А два положите».

Гость брал с подноса дары и клал взамен деньги. Затем невеста подносила ему рюмочку вина. Гость выпивал, а с дарами плясал, демонстрируя рукоделие невесты.

После свадьбы на третий день или через неделю жених с невестой ездили к теще «на хлибины». В доме у невесты проходило «столованье», где уже родня невесты угощала родню жениха. В конце застолья мать давала дочери ломоть ковриги: «Вот тебе ломоть отрезан хлеба, дак ты уж тамо-ка и живи. А от матери ты отрезана и от отца». Ковригу разрезала мать после «столованья». Невеста с этой половиной ковриги уезжала в дом, где будет жить. Эту половину ковриги съедали вместе жених и невеста. Делалось это для того, «штёбы жили дружняе». Вторая половина оставалась у матери в доме, её съедала родня невесты.

В дом жениха невеста привозила своё приданое: полотенца, постельное белье, одежду; давали также телку, лошадь, овец, зерно. Если жених был богатый, то большого приданого с невесты не спрашивали, но «с голыми руками раньше нельзя было замуж выходить».

Свадебный обряд выполнял функцию перевода девушки и парня из одного социального статуса в другой, наделяя их новыми обязанностями и новыми правами членов деревенской общины. Свадебный обряд подчеркивал значимость создания новой семьи, узаконивания отношения между девушкой и парнем и, как следствие, рождение детей. Дети, рожденные вне брака, считались неполноценными. Как правило, им в будущем отказывали в сватовстве и замужестве (женитьбе) или выдавали за калек, сирот.

Этапы свадебного обряда выполняли важную функцию консолидации (объединения) как в среде подрастающего поколения (девиши, пение девушками припевок перед столами, выкуп за подружку), так и в среде взрослого населения деревни (участвовали в свадьбе не только родственники жениха и невесты, но и посторонние лица приходили смотреть на прощание невесты с деревней, на свадебный пир, на венчание, на встречу молодых). Жених и невеста, сваты, тысяцкий, дружка, родители молодых выступали представителями разных сторон, действия которых были направлены на конечную цель – объединение родственными узами семейств и продолжение рода.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Ивлева Л.М. Ряженье в русской традиционной культуре. – СПб., 1994 – С.118